

ВОЕННЫЙ

175-5-1

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ПЯТНАДАТЫЙ

№ 1

ЯНВАРЬ

1872

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

некрологомъ, или хоть бы какими-либо замѣтками о заслугахъ, оказанныхъ имъ генеральному штабу. Это невольно зарождаетъ мысль, что вообще современники Баура чрезвычайно мало придавали значенія генеральному штабу, не сознавали еще его пользы и необходимости, не отдавали должной цѣны его занятіямъ. Предположеніе это очень вѣроятно, и оно еще болѣе должно возвысить Баура надъ общимъ уровнемъ его современниковъ. Какъ бы то ни было, Бауръ перенесъ къ намъ двѣ вѣрныя идеи, относящіяся прямо къ генеральному штабу, именно, что корпусъ этотъ долженъ имѣть отдѣльное самостоятельное существованіе и что нужна предварительная подготовка для службы въ немъ. Обѣ идеи всецѣло взяты имъ изъ Пруссіи, гдѣ онѣ были упрочены уже Фридрихомъ II; у насъ же провести ихъ было нелегко, потому что пришлось встрѣтиться съ глубоко-укоренившимися понятіями о неограниченной и безконтрольной власти главнокомандующаго, о ничтожности значенія генеральнаго штаба, сравнительно съ другими дѣятельными штабовъ тогдашняго времени — адъютантами и съ инженерами. Несмотря на всѣ встрѣченныя затрудненія, Бауру удалось положить начало у насъ генеральному штабу въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ лучшихъ современныхъ западно-европейскихъ арміяхъ, и хотя послѣдующія обстоятельства были неблагоприятны для дальнѣйшаго развитія этого учрежденія, но, коль скоро они миновались, генеральный штабъ возродился съ полнымъ успѣхомъ на тѣхъ основаніяхъ, которыя были положены Бауромъ.

(Окончаніе будетъ.)

Н. Глиноецкій

ТУРКМЕНЫ ЮМУДСКАГО ПЛЕМЕНИ.

Туркмены юмудскаго племени раздѣляются на два отдѣла: *байрамшали* и *карачуха*. Первый живетъ въ предѣлахъ Хивинскаго Ханства: Айбугирскій Заливъ, Сары-Камышъ, восточные склоны Усть-Урта (*) и колодезь Игда-кую служатъ предѣлами распространенія ихъ кочевокъ.

Второй отдѣлъ, которымъ мы ограничимся въ этомъ очеркѣ, группируется, главнымъ образомъ, у рѣкъ Гургень и Атрегъ, впадающихъ съ юго-востока въ Каспійское Море. На сѣверъ и востокъ кочевники этого отдѣла доходятъ до южнаго берега Карабугазскаго Залива, колодезь Демпе, Диринъ, Кумъ Себшенъ, у юго-западной оконечности Усть-Урта, колодца Игда-кую, на старомъ руслѣ р. Аму, и колодца Ушакъ, у сѣвернаго склона горнаго хребта Курень-дагъ, близъ Тенинскаго укрѣпленія Казыль-Арватъ.

Юмуды-карачуха подраздѣляются тоже, въ свою очередь, на два отдѣла или семейства: *Чони* и *Шеребъ*. Преданіе говоритъ, что это были братья родоначальники всѣхъ нынѣшнихъ юмудскихъ поколѣній. Чони и Шеребъ дѣлятся на слѣдующія поколѣнія:

А. *Чони*: 1) Агъ, 2) Атабай, 3) Тазъ, 4) Бадракъ, 5) Эймиръ, 6) Кечекъ, 7) Канъ-юкмазъ, 8) Игдырь, 9) Татаръ, 10) Куджугъ.

В. *Шереба*: 1) Джафарбай, 1) Тюаджи, 3) Ильгай, 4) Бельки, 5) Карроу, 6) Бага. Каждое поколѣніе подраздѣляется на отдѣленія и роды. Перечислить ихъ считаемъ бесполезнымъ.

По роду жизни, туркмены-карачуха дѣлятся на осѣдлыхъ (чомуръ) и кочевыхъ (чарва). Тѣ и другіе живутъ въ кибиткахъ и, строго говоря, даже осѣдые не живутъ постоянно на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ. Но первые, располагаясь на берегу Каспійскаго

(*) Плоская возвышенность между Каспійскимъ и Аральскимъ морями называется „Усть-Уртомъ“.

Моря, въ юго-восточномъ углу его и по берегамъ рѣкъ Гургена и Атрека, занимаются: живущіе на берегу моря и устьи названныхъ рѣкъ—рыбною ловлею, имѣютъ лодки, торгуютъ съ Персією и чрезъ Астрабадскую станцію съ нами; живущіе по берегамъ рѣкъ—земледѣлемъ, сѣютъ пшеницу, просо, ячмень, чалтыкъ, хлопчатникъ, кунжутъ, на р. Гургенѣ держатъ много рогатаго скота и совсѣмъ не держатъ верблюдовъ. Осѣдлые съ кибитками перемѣщаются на небольшія разстоянія, много на двѣ, на три версты, собственно для того, чтобы располагаться на свѣжихъ и чистыхъ мѣстахъ.

Напротивъ того, чарва—кочевники, въ полномъ смыслѣ слова, посѣвами никакими не занимаются; только весьма немногіе изъ нихъ сѣютъ дыни и арбузы у большаго Балхана; рогатаго скота не имѣютъ; держатъ верблюдовъ и барановъ.

Въ каждомъ изъ названныхъ поколѣній есть и осѣдлые и кочевые; только поколѣнія Белья, Карроу и Бага, за исключеніемъ нѣсколькихъ кибитокъ, всѣ кочевые. Почти каждая кибитка осѣдлыхъ туркменъ имѣетъ родственную ей кибитку у кочевниковъ. Часто, напримѣръ, отецъ осѣдлый, сыновья его кочевники, и, наоборотъ; нѣсколько братьевъ осѣдлыхъ и нѣсколько братьевъ кочевниковъ. Также часты переходы отъ осѣдлыхъ въ кочевые и наоборотъ. Объединеніе, ссора съ сосѣдями, женитьба на женщинѣ, у которой родственники кочевники, обращаютъ осѣдлаго въ кочевника; смерть осѣдлыхъ родственниковъ, потеря верблюдовъ, женитьба на осѣдлой дѣлаютъ часто кочевника осѣдлымъ.

Чрезвычайно трудно распросами собрать сколько-нибудь точныя данныя о числѣ кибитокъ каждого поколѣнія; обыкновенно лица, сообщающія свѣдѣнія, преувеличиваютъ число кибитокъ своего поколѣнія и уменьшаютъ число кибитокъ другихъ, особенно враждебныхъ, поколѣній. Болѣе приблизительными можно считать свѣдѣнія о числѣ осѣдлыхъ кибитокъ каждого поколѣнія. Осѣдлые іомуды-карачуа, по поколѣніямъ, живутъ въ такомъ порядкѣ:

По обоимъ берегамъ, считая съ запада:

А. На р. *Атрекъ*: Джафарбай, Агъ, Атабай.

В. На р. *Гургенъ*: Джафарбай, Агъ, Атабай, Тазъ, Тюаджи, Ильгай, Бадракъ, Эймиръ, Кечекъ, Канъ-іокмазъ, Игдырь, Татаръ, Куджукъ.

Каждое изъ этихъ поколѣній, въ видахъ собственной безопасности, живетъ довольно сплошно и чрезполосностей мало; только поколѣнія Агъ и Атабай живутъ перемѣшанно, и потому туркмены называютъ ихъ часто однимъ именемъ «ага-табай». Между поколѣ-

ніями татаръ и куджукъ живетъ поколѣніе іомудовъ байрамшалинскаго отдѣла—Салахъ.

Кромѣ того, на берегу Каспійскаго Моря находятся: джафарбайскіе аулы Чекишляръ—къ сѣверу отъ Гасанкулинскаго Залива; Гасанъ-кули, на заливѣ того же имени; Гююшъ Тепе—у устьи Гургени; Кара Сенгеръ—противъ острова Ашуръ-Аде. Между джафарбайцами и агатабайцами живутъ разсѣянно по нѣсколькимъ осѣдлымъ кибиткамъ поколѣнія Белья, Карроу и Бага.

Численность осѣдлыхъ кибитокъ каждого поколѣнія такова:

На р. *Атрекъ*: Джафарбай 400; Агатабай 300.

На р. *Гургенъ*: Джафарбай 2,000 (*), Ага-табай 1,000, Тагъ 600, Тюаджи 600, Ильгай 300, Бадракъ 300, Эймиръ 300, Кечекъ 300, Канъ-іокмазъ 150, Игдырь 150, Татаръ 200, Салакъ 100, Куджукъ 700 (**).

Кромѣ того, поколѣнія Джафарбай, въ аулахъ: Чекишляръ 500 и Гасанъ-кули 400.

Такимъ образомъ, всѣхъ осѣдлыхъ іомудовъ-карачуа считается 7,200 кибитокъ, а прибавляя 100 кибитокъ поколѣнія Салакъ-Байрамшали, 7,300 кибитокъ. Изъ нихъ на берегу Каспійскаго Моря—1,700 (считая Чекишляръ—500, Гасанъ-кули—400, Гююшъ-тепе—500, Кара Сенгеръ—300).

На р. Атрекъ 700, на р. Гургенъ 5,800.

Такъ какъ на рѣкѣ Атрекъ туркмены живутъ по обоимъ берегамъ, то считать вѣдь предѣловъ Персіи можно только аулы Чекишляръ и Гасанъ-кули, наибольшее число 900 кибитокъ; вся же остальная масса—6,400 кибитокъ—живетъ въ предѣлахъ, признаваемыхъ персидскими. Говоримъ «признаваемыхъ» потому, что собственно на правомъ берегу р. Гургену Персіи не имѣетъ никакихъ видимыхъ слѣдовъ своего владычества. Нѣчто въ родѣ неопредѣленной подати, скорѣе подарка, дается персидскому правительству туркменами, живущими на р. Карасу, лѣвомъ притока Гургени и у персидской крѣпости Акъ-кале. Приводя къ единицѣ и округляя показанныя цифры, выходитъ, что $\frac{2}{10}$ всего осѣдлаго населенія туркменъ живетъ на берегу Каспійскаго Моря, менѣе $\frac{1}{10}$ на р. Атрекъ, болѣе $\frac{7}{10}$ на р. Гургенѣ, и далѣе, $\frac{7}{8}$ осѣдлыхъ туркменъ признаются подвластными Персіи; остается, такимъ образомъ, неподвластными или вольными $\frac{1}{8}$ (***) осѣдлаго населенія.

(*) Въ томъ числѣ аулы Гююштене и Кара-Сенгеръ.

(**) Это поколѣніе дошло до настоящей цифры въ послѣдніе годы, пострадавши отъ набѣговъ курдовъ. Прежде оно было вдвое значительнѣе.

(***) Можно утвердительно сказать, что еще менѣе, такъ какъ численность кибитокъ ауловъ Чекишляръ и Гасанъ-кули беремъ слишкомъ большую.

Принимая, что каждой осѣдой кибиткѣ соответствуетъ кибитна кочевая, имѣемъ число кочевниковъ юмудовъ-карачуха, за исключеніемъ поколѣній Бельки, Карроу и Бага, которые всѣ кочевники, 7,200; поколѣній Бельки, Карроу и Бага — 1,000 кибитокъ; стало быть всѣхъ кочевниковъ 8,200 кибитокъ. Въ поколѣніи Салакъ кочевниковъ нѣтъ. Или, все число кибитокъ юмудовъ-карачуха—15,400, а вмѣстѣ со 100 кибитками поколѣнія Салакъ — 15,500. Полагая же въ каждой кибиткѣ 5 душъ обоюго пола, численность всего населенія опредѣляется въ 77,500 человекъ. Ниже увидимъ, что, по всей вѣроятности, эта цифра значительно болѣе дѣйствительной, по крайней мѣрѣ относительно кочевниковъ.

Кочевники зимою живутъ между рѣками Гургеномъ и Атрекомъ, а также по правому берегу р. Атрека; весьма немногіе остаются зимовать у Балханъ или на старомъ руслѣ р. Аму. На зимовники приходятъ обыкновенно въ ноябрѣ и остаются на нихъ до половины февраля.

Лѣтнія мѣсторасположенія кочевковъ можно раздѣлить такъ: а) на старомъ руслѣ р. Аму; б) на дорогѣ отъ урочища Ташъ-Арватъ-Кала; на сѣверномъ склонѣ Большаго Балхана, къ Сары-Камышу; в) къ западу отъ этой дороги; г) къ востоку отъ этой дороги; д) между старымъ русломъ рѣки Аму и Большимъ Балханомъ: а) съ западной, б) южной и в) восточной стороны; е) у подошвы хребта Курень-дага; ж) между Курень-дагомъ и старымъ русломъ р. Аму; з) по дорогѣ отъ стараго русла р. Аму къ р. Атреку.

А. На старомъ руслѣ рѣки Аму.

Мулла-Кари	80	кибитокъ.	Прѣсная вода.
Октамъ	120	»	»
Кара-Доурунъ	100	»	»
Тагиръ	150	»	»
Кора Гишемъ	100	»	»
Алты-кую	160	»	»
Кызъ-пара	80	»	»
Чалой	120	»	»
Дана-Ата	50	»	»
Буюраджи	140	»	»
Джайругъ	150	»	»
Асхабъ	200	»	»
Кара-Тегелекъ	120	»	»
Топъ-ятопъ	150	»	»
Тагалекъ	180	»	»

Джамалай	160	»	»	»
Халь-маджи	40	»	»	»
Игда-кую	50	»	»	»
Б. На д рогѣ отъ ур. Ташъ-Арватъ-кала къ ур. Сары-Камышъ.				
Ташъ-Арватъ-Кала	135	кибитокъ.	Прѣсная вода.	
Ушагъ	60	»	»	»
Огланли	100	»	»	»
Оюкли	80	»	»	»
Гезли-ата	200	»	»	»
Будьмадзуръ	10	»	Дождевая	»
Авламмышъ	40	»	Прѣсная	»
Тонгра	50	»	Солоноватая	»
Чагыль	80	»	Прѣсная	»
Кумсебшенъ	100	»	»	»

В. Западныя дороги въ Сары-Камышъ.

Ягмонъ	30	кибитокъ.	Прѣсная вода.
Ахъ-кую	40	»	»
Ирикли	60	»	»
Белекъ *	50	»	Солоноватая
Куртъ-кую *	50	»	»
Бурнагъ *	50	»	Прѣсная
Сюльмень *	100	»	Солоноватая
Сюйли *	60	»	»
Янгуджа *	40	»	»
Демирджень	60	»	»
Языгишемъ	70	»	Прѣсная
Яраулянь	20	»	Солоноватая
Кукуртъ	120	»	Прѣсная
Орфа	40	»	Солоноватая
Кошъ-орфа	130	»	Прѣсная
Иети-Сири	110	»	Солоноватая
Туэръ	50	»	Прѣсная
Секизъ-хонъ	20	»	»
Депме	40	»	Солоноватая
Диринъ	60	»	»

Г. Восточныя дороги въ Сары-Камышъ.

Караймонъ	25	кибитокъ.	Солоноватая вода.
Порсаймонъ	15	»	»
Шатлы	15	»	»

(*) При голодѣхъ, означенныхъ * дѣтомъ 1870 года тургмены не кочевали.

Кемаль	70	»	Прѣсная	»
Гезбе-Аджи	35	»	Солоноватая	»
Ильпышъ	30	»	Прѣсная	»
Койматъ	80	»	Солоноватая	»
Карайманъ	15	»	Прѣсная	»
Ахъ-кую	40	»	Солоноватая	»
Гекленъ-кую	30	»	Прѣсная	»

Д. Между старымъ русломъ Аму и Большимъ Балханомъ.

Съ запада	Джебелъ-Ата	20 (*)	кибитокъ.	Прѣсная вода.
Съ юга.	Кутуль	80	»	»
	Бала Гишемъ	40	»	»
Съ востока.	Ужмекъ	35	»	»
	Ходжи-кую	30	»	»
	Атъ-евн	65	»	»
	Кяризъ	80	»	»
	Кошъ Агырли	60	»	»
	Аджи-кую	50	»	Солоноватая

Примѣчаніе. На сѣверномъ склонѣ Большаго Балхана находится много небольшихъ родниковъ съ отличною прѣсною водою, по близости одинъ отъ другаго.

Е. У подошвы Куренъ-дага.

Кегне-Кырымса	40	кибитокъ.	Прѣсная вода.
Дана-Ата	70	»	»
Борсли	200	»	»
Обой	120	»	»
Чаиръ-су	160	»	»
Козанджигъ	80	»	»
Кесанджигъ	40	»	»
Эджери	100	»	»
Узунъ-су	70	»	»
Арватъ	50	»	»
Ушакъ	30	»	»

Ж. Между Куренъ-дагомъ и старымъ русломъ рѣки Аму.

Айдинъ	60	кибитокъ.	Прѣсная вода.
Ярыкли	40	»	»
Шорджа	20	»	Солоноватая
Лѣтомъ 1870 г. Лѣтомъ 1871 г.			
Чинъ Чохракъ	150	кибитокъ.	200 кибитокъ. Прѣсная »
Опъ-кую	220	»	460 » » »
Гяуръ	180	»	200 » » »
Динаръ	160	»	140 » » »

Д. На дорогѣ отъ стараго русла Аму, отъ колодца Тагиръ къ р. Атреку.

Шагирды	60	кибитокъ.	Дождевая вода.
Богдайли	600	»	Прѣсная »
Гямиджикъ	200	»	» »
Таганъ-кылындусъ	150	»	» »
Хали-Куррухъ	100	»	» »
Энля	100	»	» »

Ауль Чекишляръ.

Кочевники семейства Шеребъ располагаются западнѣе Чони. Первые выходятъ съ зимовниковъ по дорогѣ къ колодцу Тагиру, вторые съ верховій Атрека, вдоль хребта Куренъ-дага; джафарбаи и агатабаи направляютъ какъ движеніемъ, такъ и размѣщеніемъ, т. е. первыми трогаются съ зимовниковъ и первые занимаютъ лѣтнія мѣста. Прочія поколѣнія слѣдуетъ за ними. Обыкновенно они поднимаются съ зимовниковъ въ концѣ февраля, и въ апрѣлѣ уже располагаются на лѣтнихъ мѣстахъ, гдѣ живутъ сгруппированно, образуя аулы, или разсѣянно, по нѣскольку кибитокъ, что зависитъ отъ отношеній къ другимъ поколѣніямъ, а еще болѣе къ другимъ кочевымъ племенамъ, именно киргизамъ, текинцамъ и байрамшалинцамъ. Кочевка отделяется иногда отъ колодца или родника верстъ на 15, даже на 20. Въ жаркіе мѣсяцы стараются расположиться у самой воды. На одномъ мѣстѣ остается ауль отъ одного до 1½ мѣсяца. Численность кочевниковъ каждаго поколѣнія далеко непостоянна, она измѣняется отъ многихъ причинъ. Непріязненные отношенія къ киргизамъ и текинцамъ заставляютъ кочевниковъ тѣсниться къ югу и западу; наоборотъ, сильная болѣзненность у Гургена и Атрека, увеличивая ихъ число, заставляютъ выдвигаться далѣе на сѣверъ. Весною 1870 года туркмены располагались у колодцевъ въ числѣ кибитокъ, означенныхъ въ спискѣ кочевовъ. Напротивъ того, весною 1871 года, избѣгая, вслѣдствіе подстрекательства хивинскаго хана сношеній съ нами, все населеніе, за исключеніемъ 1,000 кибитокъ агатабайцевъ, жившихъ у колодцевъ Чинъ-Чохракъ, Опъ-кую, Диноръ, Гяуръ, у границы туркменъ племени Текъ, и 120 кибитокъ джафарбайцевъ, жившихъ у Большаго Балхана, кочевало между рѣками Гургеномъ и Атрекомъ и вдоль праваго берега послѣдней рѣки, выше агатабайскихъ осѣдлостей. Такъ располагались кочевники, съ ноября 1870 года, въ продолженіе болѣе восьми мѣсяцевъ. Имѣя въ виду, что среднее разстояніе между рѣками Гургеномъ и Атрекомъ не болѣе 60 верстъ, а длина района занимаемаго

юмудами по Гургену 100, по Атреку 130 верстъ, т. е. все пространство между рѣками 6,900 квадратныхъ верстъ, нельзя не придти къ заключенію, что опредѣленная выше численность населенія несравнено выше дѣйствительной.

Туркмены принадлежатъ къ тюркской расѣ и соплеменны съ тюрками сѣверной Персіи, Закавказья и Турціи. Въ наружности настоящихъ туркменъ легче всего можно видѣть чрезъ какія измѣненія прошли, напримѣръ, стамбульскій турокъ или житель Тавриза, чтобы отъ своего первоначального типа дойти до настоящаго. Такъ, между туркменами встрѣчаются узкіе кривые глаза, выдавшіеся скулы, рѣдкая маленькая борода, словомъ типы расы, стоящей на первой ступени послѣ настоящихъ монголовъ, равно какъ и лица совершенно кавказскаго типа. Такой переходъ туркменъ отъ монгольскаго типа къ кавказскому происходитъ вслѣдствіе браковъ съ персіянками и куртинками. Замѣчательно, что рожденные отъ смѣшанныхъ браковъ субъекты женскаго пола упорнѣе сохраняютъ племенной типъ своихъ отцевъ: въ туркменкахъ, рожденныхъ отъ матерей персіянокъ или куртинокъ, рѣдко можно найти чистоту кавказскаго типа, часто встрѣчаемую у мужчинъ. Туркмены понимаютъ красоту персидскихъ и куртинскихъ женщинъ и любятъ брать ихъ въ жены и наложницы. Число смѣшанныхъ браковъ было бы еще значительнѣе, если бы туркменъ не останавливало убѣжденіе, что преимущественно мать передаетъ потомству нравственныя особенности своего племени. Потому-то всякій туркменъ считаетъ обязанностію имѣть хотя одну изъ женъ природную туркменку, и дѣти отъ нея рожденные считаются болѣе «благородными».

Всѣ туркмены отличаются высокимъ ростомъ и сложеніемъ, по истинѣ, атлетическимъ; между ними рѣдки субъекты малорослые и болѣзненные. Это, кажется, можно объяснить тѣмъ, что въ грубой кочевой обстановкѣ, при постоянномъ отсутствіи даже самыхъ незначительныхъ удобствъ, всѣ слаборожденные умираютъ прежде достиженія совершеннолѣтія. Замѣчательно, что между туркменами распространень въ довольно сильной степени сифилисъ. Они говорятъ, что болѣзнь занесена къ нимъ изъ Хивинскаго Ханства, и это похоже на правду, такъ какъ въ провинціяхъ сѣверной Персіи сифилисъ встрѣчается рѣдко, а въ южной его совсѣмъ почти нѣтъ. Изъ другихъ болѣзней на рѣкахъ Гургенѣ и Атрекѣ свирѣпствуютъ лихорадки, часто принимающія злокачественный характеръ. Довольно сильно развиты также глазныя болѣзни, что, очевидно, происходитъ отъ почти постоянной пыли, вслѣдствіе вѣтровъ. Кажется, бываютъ

и случаи скорбута, который называютъ туркмены *динъ качты*, въ переводѣ «убъжали», т. е. «повыпадали зубы». Впрочемъ, видѣть большихъ скорбутомъ не приходилось.

Туркмены говорятъ по-татарски джагатайскимъ нарѣчіемъ; въ произношеніи есть особенности, и, между прочимъ, часто слышенъ звукъ буквы «ц», совершенно чуждый другимъ татарскимъ нарѣчіямъ. Это тоже, кажется, показываетъ, что еще не изгладились звуки монгольскаго языка. Текинцы говорятъ гораздо чище и вразумительнѣе, звука «ц» въ разговорѣ у нихъ совсѣмъ не слышно. Туркмены любятъ музыку и пѣніе. Въ ихъ пѣсняхъ или воспѣваются храбрецы и богатыри, или пѣсни состоятъ изъ ничего незначащихъ словъ, подобранныхъ въ рифму. Напѣвы туркменскихъ пѣсенъ довольно гармоничны и для европейскаго, особенно русскаго, уха, несравнено споснѣе персидскаго пѣнія.

Сосѣдство съ Персіей и невольное отъ того вліяніе мусульманско-персидскаго образованія исказило, перемѣшавъ съ разказами изъ древней персидской исторіи, всѣ старыя легенды и преданія туркменъ. Подъ именами «Афросіба», «Рустема», «Зогака» и «Искандеръ Зулькарнейна», часто, правда, поставленными въ своеобразную обстановку, трудно отыскать что собственно принадлежитъ туркменамъ и что заимствовано. Изъ событій двухъ послѣднихъ вѣковъ имъ кое-что извѣстно о калмыкахъ, о хивинскихъ ханахъ, о походѣ Бековича-Черкаскаго и о Надиръ-шахѣ.

Читать и писать у туркменъ знаютъ только мушлы, обучающіеся въ Хивѣ и весьма немногіе въ Бухарѣ.

Всѣ туркмены мусульмане-сунниты и довольно исправно исполняютъ предписываемые религіею обряды. Можно только положительно сказать, что у нихъ совсѣмъ нѣтъ религіознаго фанатизма: дѣлать хлѣбъ-соль съ христіаниномъ, охотиться за кабанами, убивать ихъ и привозить продавать русскимъ, нисколько не считается оскверненіемъ.

Общественный строй туркменъ чисто-патріархальный. Старшины ихъ (яхшиляръ, въ переводѣ «хорошіе»), къ числу которыхъ принадлежатъ какъ старшіе въ родѣ, такъ равно и лица болѣе зажиточныя или отличающіяся умомъ и храбростію, имѣютъ на своихъ соплеменниковъ только вліяніе, но отнюдь не пользуются властію. Многіе старшины прибавляютъ къ своимъ именамъ слово «бай» — измѣненное на туркменскомъ нарѣчій турецкое слово *бей*. Но, вообще, прибавка «бай», и даже *ханъ* къ именамъ совершенно произвольная. Это дѣлается, по большей части, такъ: начинаютъ величать ханомъ своего хозяина невольники или персидскіе купцы, потомъ повто-

риютъ тоже бѣдные туркмены, обращаясь за какими-нибудь милостями; это обращается въ привычку, такъ что старшина, говоря о самомъ себѣ, зоветъ себя «ханомъ». Точно также и съ титуломъ *бай*; только въ этомъ случаѣ начинаютъ не персы, а бѣдняки туркмены. Словомъ, персы-купцы или невольники производятъ туркменскихъ старшинъ въ «ханы», а бѣдняки туркмены въ «бай». Никакихъ особыхъ правъ, привилегій или значенія съ этими титулами не соединяется.

Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы у туркменъ не было своего рода аристократіи; напротивъ, влияние на общественныя дѣла людей, принадлежащихъ фамиліямъ, въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній отличающимся богатствомъ или нравственными качествами, несравненно сильнѣе, чѣмъ людей новыхъ. Послѣднимъ нужны какія-нибудь особенно благоприятныя обстоятельства, чтобы обратить на себя вниманіе и заставить себя слушать, тогда какъ первые, по привычкѣ, начинаютъ смѣло разсуждать на всѣхъ сѣздахъ и совѣщаніяхъ.

Вліяніе старшинъ сильно въ дѣлахъ междуплеменныхъ, когда одно племя мирится съ другимъ послѣ ссоры или заключаетъ союзъ противъ общаго врага, и ничтожно въ дѣлахъ частныхъ, особенно уголовного характера. Въ послѣднемъ случаѣ виноватый, боясь мести и насилія противника, обыкновенно бѣжитъ, и потомъ или бродитъ въ степи, или скрывается у враждебныхъ племенъ. У туркменъ еще не сложилось мысли, что можно жаловаться за обиду, кражу или какое-нибудь насиліе: если виновный попался въ руки обиженнаго, то послѣдній вымещаетъ на немъ сколько можетъ и возмездіе умѣряется только заступничествомъ родственникововъ; если же виноватый бѣжалъ, то дѣло или тѣмъ и кончается, или между родственниками заинтересованныхъ сторонъ начинается распря международнаго характера. Старшины и духовенство входятъ тогда въ свою роль, склоняя убѣжденіями и увѣщаніями враждующія стороны къ примиренію. Такимъ образомъ, одна сторона склоняется дать разныя вознагражденія, а другая сдѣлать уступки. Замѣчательно, что въ этомъ случаѣ духовенство приводитъ правила шаріата не какъ непремѣнныя предписанія, но старается убѣдить ими какъ идеальными, достойными подражанія, примѣрами. Только эта, обычаемъ установившаяся, ответственность родственникововъ одного за другаго въ безначальномъ туркменскомъ обществѣ обуздываетъ своеволіе и сдерживаетъ страсти.

Раздѣлъ имущества туркменъ производится безъ участія духовенства, по обычаю, отличающемуся, главнымъ образомъ, тѣмъ, что

дочери не получаютъ частей, назначенныхъ имъ шаріатскими постановленіями. Участіе духовенства въ дѣлахъ, кромѣ исполненія немногихъ мусульманскихъ требъ — обрѣзанія, погребенія — ограничивается тѣмъ, что ихъ приглашаютъ, конечно за вознагражденіе, писать письма, разныя обязательства и, разъ въ годъ, повѣрять имущество, причемъ пересчитываются деньги.

Имущество туркменъ заключается, кромѣ разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей (какъ-то: кибитки, войлоки, ковры, чугунные и мѣдные котлы, мѣдные луженые подносы, чашки, кувшины, одежда, оружіе), въ невольникахъ, лошадахъ, скотѣ (у кочевыхъ въ баранахъ и верблюдахъ, а у осѣдлыхъ въ рогатомъ скотѣ и баранахъ). Между осѣдлыми туркменами, преимущественно на Гургенѣ, начинается устанавливаться землевладѣніе; каждое семейство воздѣлываетъ постоянно одинъ и тотъ же участокъ земли; бывають случаи продажи такихъ участковъ.

Туркмены-мужчины, кромѣ набѣговъ, поѣздокъ на совѣщанія или въ гости, проводятъ время въ совершенной праздности. При этомъ любимымъ развлеченіемъ имъ служить шахматная игра. Около играющихъ собирается большой кружокъ зрителей; они чрезвычайно внимательно слѣдятъ за игрой, образуются партіи за того или другаго игрока, за тотъ или другой ходъ. Туркмены вообще играютъ въ шахматы хорошо и чрезвычайно быстро.

Всѣ домашнія работы лежатъ на женщинахъ, которымъ помогаютъ невольники. Женщины разбиваютъ кибитки, готовятъ пищу, поятъ верблюдовъ, шьютъ одежду, занимаются тканьемъ ковровъ, паласовъ и войлоковъ.

Кибитка, служащая исключительнымъ жилищемъ всѣмъ племенамъ осѣдлыхъ и кочевыхъ туркменъ, состоитъ изъ деревяннаго, цилиндрико-конического остова и войлочной покрывки. Деревянный остовъ состоитъ изъ круглой рѣшетчатой стѣнки, аршина два высоты и аршинъ семь въ діаметрѣ (рѣшетка дѣлается изъ тонкихъ деревянныхъ жердей, крестообразно одна на другую накладываемыхъ) и изъ потолка въ видѣ овально-конического свода, составляемаго тоже изъ тонкихъ жердей, нарочно для того изогнутыхъ. Каждая потолочная жердина однимъ концомъ лежитъ на рѣшетчатой стѣнкѣ, а другимъ входитъ въ отверстіе деревяннаго или веревочнаго кольца, которое, укрѣпляя такимъ образомъ стропильникъ потолка, служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отверстіемъ для пропуска свѣта и выхода дыма. Сверхъ остова накладываются кошмы (войлоки), опоясываемыя шерстяными веревками и тесьмами. Вмѣсто двери оставляется въ стѣнкѣ

отверстие, которое завѣшивается сверху особымъ войлокомъ. Кибитки туркменскія отъ калмыцкихъ отличаются большою легкостію, какъ вслѣдствіе того, что рѣшетчатая стѣнка гораздо рѣже и овальный потолокъ ниже конического потолка калмыцкихъ кибитокъ, такъ и потому, что самыя кошмы тоньше и легче. Чтобы предохранить кибитку отъ вѣтровъ, дующихъ въ степяхъ съ необыкновенною силою, верхнюю часть опоясываютъ веревкою въ видѣ аркана; концы веревокъ или привязываютъ съ навѣтренной стороны къ колу, или накладываютъ на нихъ камни. Двѣ женщины разбиваютъ кибитку въ полчаса времени; работу эту онѣ исполняютъ молча, будто по приемамъ, только нарядна знаками давая знать что нужно опустить, поднять и т. д. Убранство кибитокъ зажиточныхъ туркменъ состоитъ въ коврахъ и подушкахъ, цилиндрической формы, называемыхъ «мутаками». Съ внутренней стороны рѣшетчатая стѣнка завѣшивается коврами или шелковыми матеріями. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается стѣнка и начинается потолокъ, тоже съ внутренней стороны, опоясываютъ длиннымъ и узкимъ ковромъ; длина его равняется окружности кибитки, ширина около $\frac{1}{2}$ аршина. Эта кайма составляетъ какъ бы карнизъ. Особое щегольство состоитъ въ изяществѣ работы такого карниза. Туркменскіе ковры отличаются мягкостію и прочностію; цвѣта хорошо подобраны; фонъ обыкновенно вишневымъ или коричневымъ; узоры просты и лишены вкуса. Войлоки бываютъ двухъ родовъ: или для покрышки кибитокъ—тонкіе, цвѣта темножелтаго, или для подстилокъ, вмѣсто ковровъ—толще, плотнѣе, преимущественно темнаго цвѣта съ пестрыми узорами.

Пищу туркменъ составляютъ отваренный въ водѣ рисъ, «пидоу», обще-мусульманское блюдо, баранина вареная и жареная на вертелѣ; изъ пшеничной муки дѣлаютъ тонкія лепешки, которыя пекутся на раскаленномъ желѣзномъ листѣ или на днѣ повернутого чугуна котла; за недостаткомъ коровьяго масла употребляютъ бараній жиръ и кунжутное масло. Туркмены, по большей части, довольствуются самою скудною и недостаточною пищею. Они перебиваются кое-чѣмъ: голодать по цѣлымъ мѣсяцамъ у нихъ дѣло очень обыкновенное; за то, при всякомъ удобномъ случаѣ, гдѣ только можно, они вознаграждаютъ себя за прошедшее и стараются насытиться на будущее. Въ гостяхъ, возвратившись съ добычею послѣ набѣга, или по возвращеніи съ разными запасами изъ Хивы, послѣ продажи тамъ невсильниковъ, онѣ дѣятъ одинъ за четверыхъ. Замѣчательно также, что всѣ туркмены, до скупости бережливые къ деньгамъ и всякаго рода вещамъ, особенно считаемымъ драгоценными, неспособны себе

регать съѣстное: самымъ зажиточнымъ изъ нихъ приходится голодать именно потому, что купленную въ Хивѣ провизію, достаточную семейству, напримѣръ, на четыре мѣсяца, они истребляютъ въ полтора, а остальные два съ половиною мѣсяца, поѣволѣ, имъ приходится перебиваться какъ нибудъ. Не употребляя крѣпкихъ напитковъ, туркмены большіе охотники до чая и сладостей. Нужно также удивляться ихъ неразборчивости въ качествѣ воды. Такъ, лѣтомъ 1870 года, въ колодцѣ Куртъ-Кую, недалеко отъ сѣвернаго берега Балхана-скаго Залива, нашли горькосоленую воду, верхніе слои которой буквально были наполнены маленькими насѣкомыми. Казачьи лошади сначала отказывались пить; туркмены же тотчасъ прежде напиклись сами, потомъ напоили своихъ лошадей, и такимъ образомъ очистили воду отъ насѣкомыхъ.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ халата, которыхъ въ холодное время надѣваютъ по нѣскольку, одинъ на другой. Халаты дѣлаются или изъ шерстяной матеріи темно-желтаго цвѣта, приготовляемой самими туркменами, или изъ шелковой, пополамъ съ бумагой, привозимой изъ Хивы, или наконецъ, изъ сукна, что считается самою нарядною и почетною одеждою. Далѣе принадлежность одежды составляютъ длинная рубашка ниже колѣнъ, съ широкими рукавами, ситцевая, бѣлая бумажная или шелковая, и такіе же шаровары. Обувь въ дорогѣ составляютъ сапоги съ мягкими подошвами и заостренными носками, привозимые изъ Хивы или изъ Персіи (изъ г. Шахруда); дома носятъ туфли, по большей части персидской работы, съ высокими каблуками и острыми носками. Зажиточные носятъ архалуки персидскаго покроя. Головной уборъ состоитъ изъ ермолки, необходимой для бритыхъ головъ, и изъ бараньей шапки овальной формы.

Одежда женщинъ состоитъ изъ рубашки такого же покроя, какъ и у мужчинъ, только гораздо длиннѣе, по большей части шелковой, такихъ же шароваръ, архалука съ рукавами по локоть; часто на борты архалука нашиваются золотыя и серебряныя монеты. Сверхъ этого женщины надѣваютъ или халатъ, или закрываются въ родѣ пледа, нешитымъ кускомъ шелковой или бумажной матеріи. Богатыя туркменки носятъ на рукахъ и на ногахъ браслеты, по большей части серебряныя съ бирюзою или сердоликами, также серебряныя, очень массивныя пояса и ожерелья съ камнями и огромныя серьги. На браслетахъ, серьгахъ и поясахъ часто привѣшиваются маленькія бубенчики, отчего происходитъ звонъ при всякомъ ихъ движеніи.

Всѣ драгоценныя женскія украшенія, обыкновенно, награблены въ Персіи и количество ихъ служитъ какъ бы вывѣской воинскихъ доблестей семейства. Зимой, какъ мужчины, такъ и женщины носятъ бараньи тулупы, покроя халата. Въ одеждѣ богатыхъ и молодыхъ туркменокъ болѣе всего бросается въ глаза головной уборъ, имѣющій видъ огромнаго кивера; на него въ обилии нашиваются монеты, золотыя и серебряныя украшенія, драгоценныя камни (бирюза, сердоликъ, яшма) и разныя блестки. Этотъ головной уборъ составляетъ нѣчто въ родѣ парадной формы и надѣвается только въ особенныхъ торжественныхъ случаяхъ. Въ обыкновенное время голову повязываютъ платкомъ, но не въ видѣ чалмы, а скорѣе наподобіе повязки русскихъ бабъ. Обувь женщинъ такая же какъ и мужчинъ, только сапоги предпочитаютъ красныя или желтыя.

Туркменки лицъ не закрываютъ и отъ постороннихъ не прячутся.

Заправляя всѣми работами по хозяйству, онѣ пользуются большею свободою, чѣмъ, на примѣръ, женщины зажиточнаго класа въ мусульманскихъ городахъ. Туркмены наивно признаются, что имъ, бѣднымъ степнякамъ, не подъ силу подчиниться просвѣщеннымъ обычаямъ мусульманскихъ городовъ.

Въ вооруженіи туркменъ нѣтъ ни единообразія, ни той особенной воинственной красоты, ни той ловко приспособленной къ употребленію пригонки, какія до сихъ поръ можно встрѣтить у большинства племенъ теперя уже мирнаго Кавказа. Ихъ кривыя сабли хоросанскаго приготовления, по большей части очень дурнаго качества. Старыя клинки хорошей закалки, въ Хоросанѣ весьма дорого цѣнимыя, рѣдкость; они попадаютъ къ туркменамъ, разумѣется, не иначе, какъ путемъ грабежа. Маленькій, не обоюдо-острый кинжалъ имѣетъ скорѣе назначеніе столоваго ножа, чѣмъ того страшнаго оружія, какимъ бывалъ кинжалъ въ рукахъ кавказскихъ горцевъ. Ружья у туркменъ можно встрѣтить всѣхъ родовъ: и длинныя фитильныя персидской работы, и кремневыя азіатскаго образца, тоже персидской работы, наши гладкоствольныя ружья, попавшія неизвѣстно какимъ образомъ изъ Астрахани, тульскія и англійскія, охотничьи двухстволки, по большей части очень плохія, такія же карабины; въ настоящее время появляются даже карабины Лефаше. Несмотря на то, что туркмены преимущественно разбойники по ремеслу, они на дѣлѣ мало обращаются съ оружіемъ, оттого у нихъ не образовалось привычки и довѣрія предпочтительно къ той или другой системѣ оружія. Совершенно противное видимъ мы у кавказ-

скихъ горцевъ. Порохъ, главнымъ образомъ получаемый изъ Хивы, весьма слабый и легко обращающійся въ мякоть; хотя, впрочемъ, и юмуды, и текинцы умѣютъ готовить порошокъ и сами, но онъ уже рѣшительно мало годенъ. Въ небольшомъ количествѣ получается изъ Персіи англійскій порошокъ; оттуда же получаютъ капсулы. Патронташей или хазырей у туркменъ нѣтъ; порошокъ помѣщается въ пороховницѣ, пули въ мѣшечкѣ; то и другое вѣшается на поясъ; вслѣдствіе этого заряжаніе, особенно при непривычкѣ и неловкости туркменъ, очень медленно. Пистолеты, разнаго калибра и разныхъ величинъ, носятъ или при себѣ, или на сѣдлѣ. Огнестрѣльное оружіе имѣютъ туркмены далеко не всѣ. У большинства туркменъ, кромѣ того, есть пики, съ тростниковыми, очень легкими и, выѣтъ съ тѣмъ, очень крѣпкими древками. Это оружіе, уже чисто туркменское, едва ли не самое удобное и дѣйствительное изъ всего ихъ арсенала.

Между самими туркменами есть кузнецы, слесари и серебряники: они обыкновенно также занимаются починкою и отдѣлкою оружія. Въ произведеніяхъ этихъ ремеселъ видно во всѣхъ отношеніяхъ совершенно младенческое ихъ состояніе, и какъ будто умышленное нежеланіе дѣлать красиво и отчетливо.

Говоря о туркменахъ, трудно пройти молчаніемъ двухъ главныхъ ихъ помощниковъ: верблюда и лошади. Безъ нихъ немислимо существованіе кочевниковъ, при настоящихъ условіяхъ.

Верблюды въ Туркменіи болѣе одногорбые; они ростомъ меньше двухгорбыхъ и малосильнѣе ихъ, но за то имѣютъ способность лучше переносить жары. Верблюдъ, круглый годъ, находится на подножномъ корму и требуетъ во время отдыха совершенной свободы. Въ сутки, со вьюкомъ отъ 10 до 14 пудовъ, верблюдъ легко проходитъ 40 верстъ. Подобныя переходы дѣлаются такъ: съ мѣста проходятъ безъ остановки верстъ 20 или половину предполагаемаго суточного пути; послѣ того спимаютъ вьюки и пускаютъ верблюдовъ пастись часовъ на пять или на шесть, затѣмъ вьючатъ и проходятъ вторую половину, послѣ чего верблюды также пасутся пять или шесть часовъ и т. д. Разстояніе, проходимое верблюдомъ безъ отдыха, называютъ туркмены *кочъ* — переходъ. Числомъ такихъ верблюжьихъ переходовъ опредѣляются у нихъ всѣ значительныя разстоянія: такъ, на примѣръ, если туркменъ говоритъ, что до такого-то мѣста девять *кочей*, т. е. верблюжьихъ безостановочныхъ переходовъ, это значитъ, что съ вьюкомъ верблюдъ проходитъ названное разстояніе въ 4½ сутокъ. Всѣ остановки въ пути, когда

верблюды навьючены, избѣгаются, какъ для того, чтобы дать имъ больше времени пасти, такъ еще болѣе и потому, что, при такихъ остановкахъ, верблюды, скучиваясь и касаясь другъ друга выюками, портятъ себѣ спины. Въ часъ верблюдъ дѣлаетъ около $3\frac{1}{2}$, даже до 4-хъ верстъ; впрочемъ скорость движенія зависитъ отъ свойства дороги; она уменьшается, если верблюдамъ приходится часто спускаться съ горъ и подниматься на нихъ. Болѣе всего уменьшается скорость движенія по грязной дорогѣ; тогда верблюды ступаютъ робко, скользятъ, часто падаютъ, причѣмъ перѣдко ломаютъ себѣ ноги. Послѣ ежедневной работы въ продолженіе недѣли, необходимо верблюдамъ дать день или два пасти, такъ какъ тощимъ подножнымъ кормомъ они не успѣваютъ насыщаться на пяти или шести часовыхъ привалахъ. Верблюды сильно изнуряются, если имъ приходится въ продолженіе болѣе мѣсяца пасти тѣсно, и когда, при этомъ, нужно ихъ стогать на ночлегъ.

На туркменскихъ кочевкахъ верблюды ходятъ безъ всякаго присмотра, удалясь иногда отъ своего аула на нѣсколько десятковъ верстъ. Нѣкоторые пропадаютъ въ степи въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Оттого имѣющій, напримѣръ, 100 верблюдовъ, чрезъ день можетъ собрать ихъ много, много 80; остальные въ неизвѣстной отлучкѣ. Пить чрезъ день для верблюда дѣло нормальное; обходиться же безъ питья, не въ жаркое время, не теряя силъ, онъ можетъ до четырехъ сутокъ. Незнакомый ни съ чѣмъ, кромѣ подножнаго корма, верблюдъ не ѣстъ сначала ни сѣна, ни ячменя, и чтобы приучить его къ тому, пужно нѣсколько разъ класть ему нищу въ ротъ. Послѣ этого верблюдъ входитъ во вкусъ и уже самъ щиплетъ сѣно и обшохиваетъ мѣшки съ ячменемъ. Самый полезный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, экономичный для нихъ кормъ густо-замѣшанная на водѣ ячменная мука; изъ ея тѣста дѣлаютъ шары, вершка два въ діаметрѣ. Восьми фунтовъ въ сутки такого корма вполне достаточно для верблюда. Въ средне-азіатскихъ ханствахъ даютъ имъ «кюнджур» — выжимки кунжута; этотъ кормъ питателенъ, но очень разгорячаетъ животныхъ.

Лошади у туркменъ двухъ совершенно различныхъ породъ: одна порода лошадей малорослыхъ, хотя сильныхъ, но тяжелыхъ; эту породу туркмены называютъ «ябу»; она, видимо, есть продолженіе, на востокъ, нашихъ вятковъ, казанокъ, и т. д. Другую породу составляютъ собственно знаменитыя туркменскія скаковыя лошади: она произошла отъ помѣси мѣстныхъ лошадей съ арабскими. Первый смѣшенія арабской и мѣстной породъ, вѣроятно, послѣдовали во времена очень далека; такъ говорятъ о томъ и преданія. Потомъ подмѣсь

эта подновилась во времена первыхъ арабскихъ завоевателей, послѣ покоренія ими Персіи. Тамерланъ еще болѣе улучшилъ кровь туркменскихъ лошадей, распредѣливъ между племенами 5,000 кобылицъ самыхъ лучшихъ арабскихъ породъ. Впослѣдствіи, Надиръ-шахъ еще подновилъ породу, подаривъ текинцамъ 600 арабскихъ кобылицъ. Текинскія лошади, а именно «текэ-ахаль», считаются въ настоящее время лучшими; послѣ нихъ мервскія, потомъ уже юмудскія и гикленскія. Туркменскія лошади ростомъ отъ трехъ до пяти вершковъ, на тонкихъ сухихъ ногахъ; корпусъ, соотвѣтственно роста, тонокъ; грудь узкая, шея тонкая, длинная, прямая, голова довольно большая и, правду сказать, не имѣетъ чистоты и граціи головы арабской лошади; хвостъ довольно жидкій, грива весьма рѣдкая, что происходитъ также, кажется, и отъ того, что шея лошади закрывается. Гриву обыкновенно выстригаютъ до чиста.

У туркменъ нѣтъ табуновъ; лошади воспитываются при кибиткахъ, какъ у арабовъ. Находясь постоянно среди людей, туркменская лошадь дѣлается ручна и въ высшей степени покладлива. Туркмень любитъ и бережетъ свою лошадь болѣе всего на свѣтѣ; часто можно встрѣтить кибитку съ изодранными старыми войлоками, хаяипа и его семейство въ лохмотьяхъ, а лошадь покрыта хорошими войлоками. Туркмены закрываютъ лошадей войлоками круглый годъ; зимою, говорятъ они, отъ холода, а лѣтомъ отъ жары. На коновязи лошадь покрывается обыкновенно слѣдующими покрывками: оставляются два войлочные потника, на нихъ кладется «каджари», родъ вальтрана (когда лошадь осѣдлана, каджари кладется поверхъ сѣдла), изъ шерстяной или шелковой матеріи, обыкновенно малиноваго цвѣта съ узорами, подбитой мягкимъ войлокомъ; длина каджари, отъ холки до хвоста; въ передней ея части двѣ лопасти, которыми закрывается грудь лошади; сверхъ каджари кладется бѣлый войлокъ, составляющій собственно попону; передній конецъ его закрываетъ всю шею лошади до самыхъ ушей; снизу шеи и грудь въ нѣсколькихъ мѣстахъ застегиваются; задній конецъ попоны спускается до половины хвоста. Наконецъ, поверхъ накидывается большой войлокъ; онъ закрываетъ шею, грудь и сзади спускается на столько, что только вершка на два или на три не касается земли. Бѣлую попону и верхній войлокъ загибаютъ подъ животъ лошади и подтягиваютъ въ родѣ бинта, длинною широкою шерстяною тесьмою (елкянгъ). Туркмены не знаютъ ни щетокъ, ни скребницъ, и только предъ тѣмъ какъ сѣдлать, обтираютъ лошадь рукою. Но шерсть постоянно закрытыхъ лошадей мягка и бархатиста, и онѣ всегда безукоризненно

чисты. Покрытыя такимъ числомъ войлоковъ, лошадь гуляетъ на длинной, отъ трехъ до пяти сажень, шерстяной веревкѣ, привязываемой къ недоуздку или за заднюю ногу.

Туркменское сѣдло состоитъ изъ легкаго деревяннаго ленчика, задняя часть котораго не имѣетъ луки и похожа на англійское сѣдло; передняя часть поднимается довольно круто, почти со середины, и оканчивается высокою лукою съ овальной головкою. Туркменскіе ленчики высоко цѣнятся въ Хивѣ и въ Персіи. Стремена желѣзныя съ узорами, довольно тяжелы, походятъ на наши форменныя, подвѣшиваются къ ленчику на короткихъ ремняхъ, и болѣе, нежели у нашихъ сѣделъ, къ задней сторонѣ. Оттого въ первый разъ сидѣть на туркменскомъ сѣдлѣ кажется неловко и утомительно. Къ ленчику снизу подвязывается толстый потникъ, сшитый изъ войлоковъ въ нѣсколько рядовъ. Онъ имѣетъ назначеніе, чтобы бока ленчика не терли лошади. Этотъ потникъ имѣетъ видъ трехугольника, обращеннаго впередъ закругленною вершиною и назадъ тоже закругленнымъ основаніемъ. Онъ, съ привязаннымъ къ нему деревяннымъ ленчикомъ, собственно и образуетъ туркменское сѣдло. Когда хотятъ сѣдлатъ лошадь, раскрываютъ ее, обтираютъ руками, вытрихиваютъ потники, опять кладутъ ихъ, на нихъ помѣщаютъ сѣдло, застегиваютъ подпругу и нагрудникъ, состоящій изъ ремня, концы котораго надѣваются на луку сѣдла; на сѣдло кладутъ каджари, которое имѣетъ отверстіе для продѣванія луки; нагрудныя лопасти каджари отгибаются назадъ и, особо пришитыми петлями, надѣваются на луку сѣдла. Съ закрытою грудью ѣздятъ на лошади шагомъ и когда очень холодно. Сверхъ каджари набрасываютъ бѣлую войлочную попоны, имѣющую тоже отверстія для продѣванія луки; переднюю и заднюю части попоны загибаютъ на сѣдло. Каджари и попоны подвязываются однимъ ремненнымъ трокомъ.

Туркмены ѣздятъ на уздечкахъ, никогда не употребляютъ мундштуковъ и убѣждены, что они портятъ лошадей. Впрочемъ, для чувствительныхъ, гибкихъ, ручныхъ и попятливыхъ туркменскихъ лошадей, кромѣ самой мягкой уздечки, ничего и не нужно. Въ Персіи случается видѣть туркменскихъ лошадей на мундштукахъ; онѣ дѣлаются крѣпкоузды, заносчивы и какъ бы теряютъ гибкость шеи и всего стана. Только тотъ, кто ѣздилъ на туркменскихъ лошадяхъ у туркменъ, понимаетъ какъ много въ нихъ общаго съ быстрою и нѣжною газелью. Туркменскія лошади имѣютъ слѣдующіе алюры: 1) обыкновенный шагъ, вообще крупный, и только у немногихъ съ наклонностію къ проѣзду; 2) самая мелкая рысь («куртъ-ериши»),

алюрь не совсѣмъ покойный, но туркмены постоянно употребляютъ его въ дорогѣ, полагая, что при немъ, особенно по пескамъ, лошадь менѣе всего утомляется; 3) крупная рысь туркменами употребляется мало, и потому въ ней нѣтъ полноты и отчетливости, но немного нужно поѣздить на лошади для того, чтобы развить отличную прибавленную рысь; 4) галопъ — самый любимый и болѣе всего туркменами употребляемый алюрь. У туркменскихъ лошадей множество отѣнковъ галопы, отъ собраннаго до настоящаго карьера. На галопѣ можно видѣть скаковыя свойства туркменской лошади: всаднику кажется, что безъ всякаго усилія прыгающая лошадь подвигается медленно, и онъ только тогда убѣдится въ противномъ, когда увидитъ, что рядомъ съ нимъ скачущія лошади идутъ едва не въ карьеръ. Рѣдкая туркменская лошадь бросается съ мѣста въ карьеръ; обыкновенно она въ него переходитъ проскакавши, по крайней мѣрѣ, шаговъ 600. Это зависитъ отъ выѣздки, причеиъ туркмены убѣждены, что подобная постепенность сохраняетъ силы лошади и даетъ ей возможность проходить на быстрыхъ алюрахъ разстоянія, для другихъ породъ лошадей невысказанныя. Проскакать версты 25, немного проводить лошадь и потомъ сѣдлатъ такой же конецъ опять галопомъ непочемъ для обыкновенной лошади. Какъ самимъ туркменамъ случается по цѣлымъ мѣсяцамъ обходиться самою скудною пищею, только-только чтобы поддержать свое существованіе до благоприятнаго случая, когда они стараются вознаградить себя за постъ, тоже самое испытываетъ и ихъ лошадь. Туркмень, на вопросъ: «какую дачу даетъ онъ лошади», отвѣтитъ: «когда ячменя много, даемъ много, когда нѣтъ, не даемъ». Дѣйствительно, лошади ихъ часто худѣютъ до невѣроятія: буквально остается кожа да кости. За то, когда судьба пошлетъ кочевнику ячменя, лошадь ѣстъ его сколько хочетъ. Высшую степень туркменскаго благоденствія можно видѣть съ перваго взгляда: лошадь, привязанная на длинной веревкѣ, лѣниво гуляетъ передъ кибиткой, подходя то къ насыпанному въ колодѣ или на старомъ мѣшкѣ ячменю, то къ кучѣ арбузныхъ и дынныхъ корокъ. Туркмены всегда держатъ лошадь на длинной привязи, чтобы она могла имѣть моціонъ и, когда ей вздумается, могла бы лечь на чистомъ мѣстѣ. Кромѣ того, каждый день проводятъ лошадь или шагомъ, обыкновенно дѣти, проѣзжаютъ на ней, не сѣдая; это считается особенно полезнымъ постѣ водопоя и дачи ячменя. Когда вблизи кочевки есть трава, то ведутъ лошадь туда пастись, привязывая ее на длинной веревкѣ за ногу. Туркмены убѣждены, что

сухія скудныя травы ихъ степей чрезвычайно полезны лошадямъ; что, кромѣ питательныхъ началъ, онѣ имѣютъ свойство возвышать температуру крови, а мускуламъ сообщать крѣпость и упругость. Праздный хозяинъ и его дѣти весь день копошатся около лошади; оттого, конечно, она такъ ручна и такъ понятлива.

Намѣреваясь отправиться въ дальній набѣгъ, туркмень постепенно приготавливаетъ къ тому лошадь. Если она сыра, то заставляютъ ее похудѣть, для чего перестаютъ давать сѣно или «самонъ» (рубленая солома) и даже уменьшаютъ дачу ячменя; вмѣстѣ съ тѣмъ, регулярно каждый день, проѣзжаютъ ее, постепенно увеличивая разстоянія, сначала тихими, потомъ усиленными аллюрами. Согнавъ жиръ съ лошади, туркмены начинаютъ укрѣплять ее, для чего даютъ круглыя лепешки изъ ячменной и кукурузной муки, замѣшанныя на бараньемъ салѣ. Въ сутки лошади нужно шесть фунтовъ ячменной, три фунта кукурузной муки и три фунта бараньяго сала; предъ тѣмъ чтобы приготовить тѣсто, сало долго и мелко рубится. По мнѣнію туркменъ, эти лепешки болѣе всего развиваютъ силу лошадей. Если лошадь, проскакавши въ продолженіе получаса полнымъ карьеромъ, возьметъ только одинъ глотокъ подставляемой ей воды, то туркмены считаютъ, что жиръ съ лошади согнанъ и время начать давать укрѣпляющія лепешки. Ихъ даютъ въ продолженіе четырехъ или пяти дней, послѣ чего лошадь считается готовою для самыхъ усиленныхъ трудовъ, на быстрыхъ аллюрахъ. Отправляясь въ набѣгъ до персидской границы, туркмены дѣлаютъ небольшіе переходы, постепенно ихъ усиливая. Во время набѣга, продолжающагося иногда до двухъ недѣль и болѣе, лошади кормятся уже чѣмъ Богъ послалъ; но и тогда стараются давать имъ, при всякой возможности, лепешки на бараньемъ салѣ. Особенность туркменской выдержки лошадей состоитъ также въ томъ, что ихъ можно почти разгоряченныхъ, послѣ какой угодно ѣзды; нужно только, напоивши, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ поскákatъ галопомъ. Купать или обливать водою лошадей туркмены считаютъ вреднымъ; лишь послѣ продолжительной скачки, особенно въ жаркое время, находятъ полезнымъ, снявъ съ лошади сѣдло и потники, осторожно соскребивъ ножомъ потъ съ ея спины, облить ее водою, и затѣмъ тотчасъ же снова осѣдлать лошадь, перевернувъ потники.

Ѣздить на лошади начинаютъ, когда ей исполнится 2½ года; трехлѣтнія лошади совершаютъ уже большія путешествія. Болѣе всего встрѣчается лошадей сѣрыхъ, потомъ гнѣдыхъ и рыжихъ; меньше всего вороныхъ. Туркмены, какъ и другіе азіатцы, вѣрятъ, что

на лошадяхъ бываютъ приносящія несчастія примѣты; если лошадь имѣетъ эти примѣты, то какими бы достоинствами ни обладала, ее никто не возьметъ даже даромъ. Самая главная примѣта—если лошадь имѣетъ бѣлую отмѣтину на правой задней ногѣ. Туркмень, при всей своей лѣни, лучше согласится идти пѣшкомъ, чѣмъ ѣхать на лошади, имѣющей эту примѣту.

Наѣздишками, въ томъ смыслѣ слова, какъ привыкли называть, напримѣръ, кабардинцевъ, линейныхъ казаковъ туркмень назвать нельзя. Они сидятъ на лошади неуклюже, некрасиво, чему способствуетъ и самый костюмъ ихъ. О настоящей джигитовкѣ они не имѣютъ понятія.

Прострѣлить на скаку изъ пистолета лежащую на землѣ шапку удастся весьма немногимъ. Туркмены отличаются только неумоимостию и выносливостью при переѣздахъ на большія разстоянія. Къ большимъ переѣздамъ привыкли и всадники, и лошади, и знаютъ для того всѣ споровки. Такъ, напримѣръ, въ дорогѣ останавливаются только тогда, когда нужно кормить лошадь; дѣлать же привалы считается не только бесполезнымъ, но и вреднымъ, такъ какъ оттого сокращается время настоящаго отдыха лошади и становится болѣе продолжительнымъ время переѣзда. Проѣхать 150 верстъ въ 18 часовъ—дѣло самое обыкновенное. Разстояніе отъ Хивы до Балханскихъ Горъ, болѣе 600 верстъ, проѣзжаютъ въ шесть, семь дней; случалось видѣть лошадей, дѣлавшихъ это разстояніе въ пять дней.

Цѣны туркменскихъ лошадей довольно высоки: низшая отъ 180 до 200 рублей; въ 300 до 450 рублей—цѣны обыкновенныя. Вообще, туркмены мало продаютъ лошадей какъ потому, что у нихъ самихъ хорошихъ лошадей немного, такъ и потому, что весьма основательно считаютъ лошадь самымъ лучшимъ оружіемъ и самымъ надежнымъ своимъ товарищемъ. Кажется, и туркмень, и его лошадь понимаютъ, что они дополненіе одинъ къ другому, и можно утвердительно сказать, что туркмены будутъ разбойниками до тѣхъ поръ, пока у нихъ такая прекрасная порода лошадей; въ свою очередь, и эта порода лошадей существовать будетъ до тѣхъ поръ, пока туркмены разбойники. Въ Хивѣ, Персіи, Аваганистанѣ таже самая туркменская лошадь уже теряетъ свои отличныя качества: здѣсь она тучнѣетъ, тяжелѣетъ, дѣлается нечувствительна, непонятлива.

Всѣмъ извѣстно, что туркмены похищаютъ персіянъ и продаютъ ихъ въ средне-азіатскія ханства, преимущественно въ Хиву. Юмуды дѣлаютъ похищенія въ Астрабадской и Мазандеранской провинціяхъ и въ Хорасанѣ, на дорогѣ ведущей отъ города Шахруда въ городъ

Мешедъ. Въ Астрабадскую провинцію они отправляются маленькими партіями, человекъ по три, по пяти, и хватаютъ персовъ или ѣдущихъ дорогою, или изъ деревень. Густая растительность помогаетъ туркменамъ проходить тайно и скрывать свои слѣды. Впрочемъ, со стороны персовъ оказаніе хотя бы какого-нибудь сопротивленія—рѣдкость. Обыкновенно, попавшись, они не только молчатъ и не оказываютъ никакихъ попытокъ ни къ бѣгству, ни къ сопротивленію, но даже служатъ проводниками туркменамъ и содѣйствуютъ имъ такимъ образомъ продолжать поиски для увода людей. Можно слышать весьма забавные о томъ рассказы отъ самихъ персовъ.

На берегъ Мазандерана туркмены отправляются въ лодкахъ, и, приставши гдѣ-нибудь въ скрытномъ мѣстѣ, идутъ на поиски; здѣсь обыкновенно они похищаютъ людей вблизи деревень.

Набѣги, въ настоящемъ смыслѣ слова, туркмены дѣлаютъ на мешедскую дорогу, между горами Шахрудомъ и Себзеваромъ, преимущественно у станцій: Майеше, Миандештъ, Абасъ-Абадъ и Мезинанъ. Сюда туркмены отправляются партіями отъ 50 до 300 и болѣе человекъ. При выступленіи изъ своихъ ауловъ, каждый имѣетъ обыкновенно двѣ лошади: одну малорослую, простую, породы лбы, другую скаковую. Кровный аргамакъ, выдержанный и приготовленный къ набѣгу, идетъ за своимъ хозяиномъ, ѣдущимъ на маленькой лошади, какъ собака. Войдя, такимъ образомъ, въ горную полосу, отдѣляющую Туркестанъ отъ Хорасана, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются мѣстныя закрытія, партія раздѣляется: одна часть ей, преимущественно старики или не совсѣмъ доброконныя, остается для прикрытія дорожныхъ коней и разныхъ тяжестей, какъ-то перемѣтныхъ сумъ, попонъ, лишней одежды; другая часть садится на аргамаковъ и отправляется на грабежъ. При этомъ всегда, помощію шпионовъ изъ мѣстныхъ же жителей, заблаговременно выслѣдятъ караванъ, на который хотятъ напасть. Прежде узнаютъ, великъ-ли караванъ, много-ли въ немъ вооруженныхъ людей, особенно кавказцевъ, называемыхъ въ Персіи и у туркменъ «дагестанцами». Съ такимъ-то почтеніемъ относятся тамъ къ закавказскимъ татарамъ секты шиъ, путешествующимъ на богомолье въ Мешедъ. Это особенно можетъ удивить прожившаго нѣкоторое время на Кавказѣ, гдѣ хорошо извѣстно, что татары-шииты далеко не отличаются храбростію. Это уже даетъ понятіе о военной доблести самихъ туркменъ. Дѣйствительно, они не любятъ сопротивленія и привыкли, что, при ихъ внезапномъ явленіи, караванъ сбивается въ кучу, изъ которой туркмены хватаютъ кого и что имъ угодно, на выборъ. Въ Персіи часто случа-

лось слышать, даже отъ людей слывущихъ удалыми наѣздниками, что противъ туркменъ самое лучшее оружіе нагайка. Когда впадалъ, не понимая въ чемъ дѣло, я замѣчалъ, что съ нагайкою трудно сдѣлать что-нибудь противъ сабли, то мнѣ объясняли, что о схваткѣ или о борьбѣ нѣтъ и рѣчи, а нагайка нужна для того, чтобы скорѣе ускакать. Вотъ почему, кусты, тѣнь, камни и другіе вдали неясно видимые предметы, при слѣдованіи каравана, часто причиняютъ забавныя тревоги. Видѣвшему неоднократно такія фальшивыя тревоги, легко представить себѣ что дѣлается въ случаѣ тревоги настоящей.

Захваченныхъ въ плѣнъ персіянъ, если они здоровы, но бѣдны, продаютъ: юмуды въ Хиву, а текинцы въ Хиву и Бухару; богатымъ предлагаютъ выкупиться. Въ Хорасанѣ есть особые маклера для выкупа изъ плѣна своихъ соотечественниковъ. Эти люди живутъ обыкновенно въ городахъ, занимаются мелочною торговлею и между туркменами имѣютъ многочисленныхъ кулаковъ. Безопасно отправляются они въ туркменскія кочевья, сообщаютъ тамъ свѣдѣнія о движеніи каравановъ, о проѣздахъ богатыхъ или значительныхъ лицъ, и, въ то же время, уговариваются о цѣнѣ выкупа. Въ Хорасанѣ, вслѣдствіе хроническаго тревожнаго состоянія страны, образовалось много такихъ элементовъ, личные интересы которыхъ неразрывно связаны съ тревожнымъ состояніемъ страны, и весьма естественно, что они со страхомъ смотрятъ на распространеніе русскаго вліянія въ Средней Азіи, предчувствуя, что съ нимъ долженъ водвориться новый порядокъ вещей и въ сосѣднихъ земляхъ. Къ числу заинтересованныхъ тревожнымъ состояніемъ страны принадлежатъ почти всѣ воинственныя кочевыя племена, особенно ихъ хопы; они боятся потерять свои льготы, номинальную только зависимость отъ персидскаго правительства и возможность дѣлать все, что угодно, сваливая то или прямо на туркменъ, или вообще на тревожное положеніе.

Многіе авторитеты въ знаніи Востока, въ томъ числѣ и Вамбери, считаютъ, что хищничество туркменъ есть не болѣе какъ результатъ ихъ свирѣпаго необузданнаго права, и что оно не только не доставляетъ имъ выгоды, но даже служитъ главнымъ препятствіемъ къ улучшенію матеріальнаго ихъ благосостоянія. Позволяемъ себѣ не согласиться съ этимъ мнѣніемъ; мы, напротивъ, убѣждены, что не будь туркмены разбойниками, т. е. не похищай они людей въ Персіи и не продавай въ Хиву, у нихъ не было бы никакихъ связей ни съ Хивой, ни съ Персіей, по очень простой причинѣ, именно потому, что туркмены не имѣютъ у себя ничего, что могли бы пред-

ложить сосѣдямъ взаимнѣ того, въ чемъ сами нуждаются. Только настоящее обаяніе ихъ, какъ похитителей людей, даетъ имъ возможность сбывать свои грубыя произведенія въ Хиву и Персію, гдѣ не нуждаются, собственно говоря, ни въ ихъ шерстяныхъ тканяхъ, ни въ ихъ коврахъ, ни въ скотѣ, ни даже въ лошадяхъ. Да и самыя немногочисленные предметы сбыта одолжены въ многомъ хищничеству: такъ, шерстяныя ткани и ковры готовятся руками невольницъ-персіянокъ и куртинокъ. Что касается до породы прекрасныхъ лошадей, то она воспитана только въ виду необходимости для набѣговъ, и можно предсказать съ увѣренностію, что порода эта исчезнетъ, какъ только прекратятся разбойничьи набѣги туркменъ и дѣятельность ихъ получить другое направленіе. Сами туркмены нуждаются въ хлѣбныхъ произведеніяхъ, въ бумажныхъ тканяхъ, въ обуви, въ выдѣланныхъ кожахъ, въ полосовомъ желѣзѣ, въ различнаго рода желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣліяхъ, не говоримъ уже о предметахъ роскоши, доступныхъ ихъ быту. Репутация разбойниковъ удесятеритъ, и въ Хивѣ, и въ Персіи, цѣны на всѣ грубыя бѣдныя произведенія туркменъ (имѣть что-либо туркменское считается тамъ щегольствомъ хорошаго тона), даетъ имъ кредитъ, въ Хивѣ доставляетъ право пользоваться широкимъ гостепріимствомъ, а персіянъ заставляетъ заискивать у нихъ, чтобы хотя этимъ, отчасти, задобрить и предотвратить грозу. Разбойничье ремесло, способствуя, такимъ образомъ, нѣсколько и возвышенію матеріальнаго благосостоянія туркменъ, еще болѣе возвышаетъ ихъ положеніе въ нравственномъ и въ политическомъ смыслѣ.

* *

ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЕВОЙ АРТИЛЕРІИ.

(Составлено по журналамъ артилерійскаго комитета).

Еще въ 1869 году нашъ артилерійскій комитетъ обратилъ вниманіе на важныя усовершенствованія, предпринятыя въ полевыхъ артилеріяхъ всѣхъ государствъ, и положилъ въ подробности обсудить: какого рода измѣненія полевою будетъ внести въ нашу полевою артилерію.

Для лучшаго разъясненія вопроса, предположенія комитета были сообщены начальникамъ разныхъ артилерійскихъ частей и другимъ компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ лицамъ, съ тѣмъ, чтобы они представили по возбужденнымъ вопросамъ свои мнѣнія. Къ январю 1871 года, изъ числа 35 лицъ, которымъ было предложено высказаться по возбужденнымъ вопросамъ, 18 представили свои мнѣнія; товарищъ генераль-фельдцейхмейстера поручилъ артилерійскому комитету обсудить эти отзывы и представить окончательное заключеніе объ организаціи нашей полевой артилеріи.

Сущность предложенныхъ комитетомъ измѣненій и выводъ комитета по всѣмъ представленнымъ отзывамъ, напечатанные въ октябрьской книжкѣ «Артилерійскаго Журнала», мы считаемъ полезнымъ сообщить нашимъ читателямъ въ сжатомъ очеркѣ.

При обзорѣ полевыхъ артилерій иностранныхъ государствъ, комитетъ обратилъ вниманіе на то, что, кромѣ увеличенія мѣткости, настільности и разрушительнаго дѣйствія выстрѣловъ, въ послѣднія десять лѣтъ вездѣ стремились:

- 1) къ увеличенію подвижности орудій;
- 2) къ уменьшенію числа повозокъ въ боевой части батарей, съ цѣлью увеличить способность ихъ къ маневрированію, и къ уменьшенію общаго числа повозокъ въ батареѣ;